Понятие преступлений экстремистской направленности

Тайсумова Хава Сайдеминовна
студентка 2 курса направление «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО "Чеченский государственный университет"

Правильное нормативно-правовое определение экстремистского мотива преступления играет ключевую роль в понимании сущности парного уголовно-правового термина, каким выступает понятие «преступления, экстремистской направленности», введённое законодателем в ч. Г ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» (в ред. Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ).

Определение рассматриваемого понятия сформулировано в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ (в ред. Федерального закона, от 24.07.2007 №» 211-ФЗ); Согласно указанному примечанию «под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершённые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса».

Из содержания данной нормы следует, что к преступлениям экстремистской направленности относятся:

1) все составы преступлений, предусмотренные Особенной частью УК РФ, диспозиции которых прямо указывают на признак экстремистского мотива преступления: п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство», п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью», п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ «Побои», п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ «Истязание», ч. 2 ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», ч. 4 ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ «Хулиганство», ч. 2 ст. 214 УК РФ «Вандализм» и п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»;

2) любые иные составы преступлений, предусмотренные Особенной частью УК РФ, совершаемые по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Поскольку наше толкование экстремистского мотива преступления несколько отличается от законодательного видения мотивов, указанных в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, диспозиции составов преступлений, относящихся к первой вышеуказанной группе, нуждаются, на наш взгляд, в незначительной1 корректировке.

В частности, нормы, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ целесообразно изложить следующим образом: «по экстремистскому мотиву».

Ч. 2 ст. 119 УК РФ предлагаем сформулировать так: «То же деяние, совершённое по экстремистскому мотиву».

Норму, предусмотренную ч. 4 ст. 150 УК РФ, разумно изложить следующим образом: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в совершение преступления по экстремистскому мотиву».

Соответственно норму, предусмотренную ч. 2 ст. 214 УК РФ, логично сформулировать так: «Те же деяния, совершённые группой лиц либо по экстремистскому мотиву».

Такие поправки устранят некоторые смысловые противоречия между нормами Особенной части уголовного закона и предлагаемым нами законодательным вариантом п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в котором мы раскрываем сущность экстремистского мотива преступления в уголовном праве.

Вместе с тем мы не находим целесообразности закрепления понятия «преступления экстремистской направленности» в УК РФ, хотя считаем, что оно должно войти в понятийно-категориальный аппарат науки российского уголовного права. Рассматриваемый термин употребляется в уголовном законе только один раз - в диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, которую можно изложить иначе, с прямым указанием на п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ по аналогии с формулировками ранее перечисленных нами преступлений экстремистской направленности. По нашему мнению, столь узкое уголовно-правовое определение преступлений экстремистской направленности как преступлений, совершённых по экстремистскому мотиву, как это следует из примечания 2 к ст. 282.1 УК РФ, не имеет практической значимости в уголовном законе, поскольку смысл такого понятия в любом случае сводится к уяснению содержания основополагающей нормы - п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Поэтому мы считаем, что примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ можно исключить из уголовного закона.

На наш взгляд, в теории уголовного права под преступлением экстремистской направленности можно понимать совершаемое на почве нетерпимости к основополагающим принципам демократии уголовно наказуемое деяние, направленное против политического режима и основ конституционного строя демократического государства, или преследующее цель демонстрации своей враждебности к охраняемым государством демократическим ценностям, дополнительным непосредственным объектом посягательства которого могут выступать жизнь и здоровье людей по дискриминационным признакам, общественная безопасность, а также мир и безопасность человечества.

Под «демонстрацией своей враждебности к охраняемым государством демократическим ценностям» мы понимаем те случаи, когда уголовно наказуемое деяние посягает на физическую структуру государства (народ и государственные органы, имущество, территорию государства), но заведомо не способно, однако, изменить его правовую структуру (конституционный строй, демократический режим). Так, если террорист-смертник, совершая взрыв в метро, посягает на физическую структуру государства, то участники вооружённого мятежа с последующим насильственным захватом власти в целях изменения конституционного строя Российской Федерации - непосредственно на правовую. При этом вне зависимости от того, посягает ли преступление на физическую или правовую структуру государства, основным непосредственным объектом таких уголовно наказуемых деяний, на наш взгляд, всегда выступают демократические основы конституционного строя.

Преступления экстремистской направленности могут также иметь несколько дополнительных объектов. Тем не менее, несмотря на свою «второстепенность», именно посягательство на последние объекты (жизнь человека, половая свобода и т.п.) является определяющим обстоятельством при основной квалификации преступлений и определении суровости наказания, поскольку государство теоретически не может выступать наиболее приоритетным объектом уголовно-правовой охраны при демократическом политическом режиме, что, однако, в силу наличия п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ и ряда «экстремистских» составов преступлений, на наш взгляд, не соответствует действительности.

В результате выявляется некоторое логическое противоречие, изначально заложенное в УК РФ, относительно несоответствия в ряде случаев фактического объекта преступлений

экстремистской направленности тем преступным объектам, с которыми такие уголовно наказуемые деяния идентифицируются в уголовном законе. Вместе с тем мы считаем такой недостаток несущественным. К тому же его вряд ли возможно устранить в силу того, что по экстремистскому мотиву (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ) может совершаться любое преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ. Такие преступления во всех случаях будут иметь один и тот же основной непосредственный объект преступного посягательства, каким в широком смысле выступает государство.

В целом, к нашему мнению частично близка точка зрения Б.Б. Бидовой, отмечающей, что по сравнению с преступлениями, имеющими традиционную структуру, преступления экстремистского характера помимо субъекта преступления (группы субъектов) и потерпевшего (группы потерпевших) в качестве самостоятельной стороны конфликта включают представителей тех групп, на которые преступником (преступниками) оказывается воздействие.[1,с.145] Таким образом, посягательство на потерпевшего, его права и законные интересы выступает по существу средством, обеспечивающим воздействие на третью сторону конфликта. При этом в качестве третьей стороны конфликта, могут выступать органы государственной власти или управления, в том числе и правоохранительные органы, к которым могут быть обращены угрозы и (или) требования при совершении террористических актов, захвата заложников и т.п. с целью оказания воздействия на принятие ими решений по тем или иным вопросам, либо понуждения совершить какие-либо действия или воздержаться от их совершения.

На наш взгляд, такое утверждение можно оспорить. Например; при похищении человека из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ) тоже имеется третья сторона конфликта, которой адресованы требования преступников - например, состоятельные родители потерпевшего. Но основным объектом преступного посягательства в данном случае будут выступать общественные отношения, обеспечивающие: законное право человека произвольно перемещаться и определять место своего нахождения, а не основы конституционного строя Российской Федерации. Считаем, что похищение: человека может только тогда иметь структуру экстремистского состава преступления; когда оно совершается по экстремистскому мотиву (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Например; если потерпевшим является сын влиятельного политического деятеля или представителя религиозной конфессии, а целью преступления является воздействие, скажем, на ход политической кампании вопреки демократическому порядку либо воспрепятствование деятельности определённых религиозных организаций вопреки конституционному принципу идеологического многообразия в России.

Напротив, при возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства (ч. 1 ст. 282 УК РФ) третья сторона конфликта вообще отсутствует, хотя данное преступление на практике относится к преступлениям экстремистской направленности.

Тем не менее, мы разделяем мнение Б.Б. Бидовой о том; что преступления экстремистской направленности в отличие от иных преступлений имеют особую структуру.[2,с.58] Однако эмпирико-дедуктивный подход к исследованию экстремизма не позволяет развить такую теорию дальше; он лишь наводит на мысль о возможном существовании некой нематериальной составляющей всех «террористических» и «экстремистских» преступлений, носящей по своей природе духовный характер, и, как следствие, о возможности существования нематериального объекта преступного посягательства, каким в действительности выступают основы конституционного строя.

Литература:

1. Бидова Б.Б. Проблема противодействия политическому экстремизму на северном Кавказе: анализ и пути решения //Международное научное издание Современные фундаментальные и

прикладные исследования (http://haa.su/Gtg/). 2014. № S. - С. 145-146.

2. Бидова Б.Б. Социально-экономические и политические причины религиозного экстремизма. Религиозно-политический экстремизм и пути его преодоления (http://haa.su/Gtv/) //В сборнике: Государство и право: теория и практика (http://haa.su/Gtw/) Материалы II Международной научной конференции. 2013. - С. 55-59.